

Карпов Павел Иванович

Творчество заключенных

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Иванович К.**
Творчество заключенных / Карпов Павел Иванович – М.: Книга по Требованию, 2024. –
86 с.

ISBN 978-5-519-88515-7

Государство и правоЮридические науки. Уголовно-исполнительное право. СССР. Ма-
териально-бытовое обеспЕчатнение заключенныхМедицинское и санитарное обслужива-
ние заключенных, Государство и правоЮридические науки. Криминология. СССР. Изуче-
ние личности преступника, творчество заключенных

ISBN 978-5-519-88515-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Глава I.

ВВЕДЕНИЕ.

Материал, состоящий из рисунков, скульптуры и утилитарных вещей, приводимый в настоящей работе, собран проф. М. Н. Гернет в местах заключения и находится в организованном им Криминологическом Музее при ИМГУ. М. Н. Гернет предложил мне обработать данный материал с тем, чтобы ознакомить с ним широкие народные массы¹⁾.

Материал, которым мы пользовались, разбит нами на три группы по тематическому их содержанию. Нам казалось, что такое сортирование материала правильно, потому что мы пользуемся архивным собранием и потому, что данный материал не выявляет бесспорных черт, присущих отдельным преступным категориям, напр., убийцам, ворам и т. д. Художественное творчество заключенных, по нашему мнению, представляет интерес в том отношении, что оно дает возможность ближе и полнее ознакомить широкую народную массу с интересами, бытом и творчеством заключенных.

Заключенные, каково бы ни было их преступление, все же остаются людьми, с теми же чувствами, потребностями и мышлением, которые присущи и свободным гражданам, среди которых имеется не мало лиц, вступающих в конфликты с юридическими нормами, но в форме, не приведшей к необходимости их изоляции; кроме того, среди свободного населения живут и действуют лица, преступления которых остались не обнаруженными, а потому необходимо ближе подойти к выявлению психологических особенностей лиц, совершающих преступления с тем, чтобы лучше охранять себя от посягательств со стороны таких лиц, с тем, чтобы уяснить себе условия, порождающие преступления, с тем, чтобы принимать соответствующие правильные меры к изживанию причин преступления, а имеющихся правонарушителей ставить в условия, которые давали бы наибольшую уверенность в том, что средства государства тратятся не только на изоляцию, но и на непосредственное исправление преступника.

Наше государство живет в исключительных условиях социального строительства. Господствующие социальные взаимоотношения нашего

1) Пользуюсь случаем, чтобы выразить мою глубокую благодарность проф. М. Н. Гернет за предоставление мне приведенного в работе художественного материала, за ту любезность и предупредительность, которыми я пользовался в музее во время работы, и за интерес, проявленный М. Н. Гернет, к посл. дней.

Союза, несомненно, отражаются и на жизни заключенного, последний имеет возможность расширить орбиту своих учебно-эстетическо-художественных интересов, будучи уверенным в том, что ему на пути их реализации не будет ставиться преград, которые ставились в недавнем прошлом.

Если в идеале нужно смотреть на заключенного, как на будущего полезного члена общества и государства, если на нарушение им установленных государством юридических норм нужно смотреть как на печальный эпизод, не подлежащий повторению, то становится очевидным и то, что заключенный, по возможности, должен оберегаться от вредного влияния трудноисправимых рецидивистов; необходимо озаботиться и о том, чтобы энергия заключенного и в месте заключения была направлена на созидательные, а не на разрушительные ценности. Поэтому регулярный труд, разумные развлечения и посильное творчество не должны изгоняться из мест заключения, наоборот, на эти средства нужно смотреть как на лечебно-вспомогательных деятелей, направляющих и концентрирующих мышление заключенного на приемлемых темах.

Изоляция заключенного от действительной жизни должна иметь определенный предел, не влияющий вредно на мышление заключенного.

Заключенный, отбыв срок наказания, должен вновь стать социально приемлемым, следовательно, поэтому его социальные интересы не должны искусственно подавляться и доводиться до атрофии, они должны жить в нем, как действенное начало, влекущее на путь исправления, поэтому на правильно организованный труд и на разумные потребности заключенного должно быть обращено самое серьезное внимание, так как при помощи этих средств государство может благотворно влиять на находящихся на его попечении заключенных.

В нашем Союзе места заключения подверглись резкой реорганизации: трудовые процессы заключенных подверглись коренному изменению, развлечения заключенных и их духовным потребностям не только не ставятся препятствия, а, наоборот, они поощряются, благодаря чему мы и имеем возможность использовать в нашей работе значительное количество рисунков, взятых из журналов заключенных.

В литературе по данному вопросу мы всегда встречаемся с мнением утверждающим, что интересы заключенных весьма узки и эгоцентричны. Данные симптомы, по видимому, наблюдаются потому, что круг интересов заключенного искусственно суживается мерами заключения, но если эти меры воздействия ослабевают, то культурные интересы заключенного заметно повышаются за счет понижения интересов отрицательных, напр., мы имеем рисунки, энергично протестующие против ругательств, прочно укоренившихся в тюремной жизни. Следовательно, повышение культурных запросов немедленно дало результаты в форме борьбы с той распущенностью, которая веками жила и развивалась в тюрьме и приучала заключенного направлять свою творческую энергию на выработку отрицательной продукции.

Помимо рисунков мы приводим снимки с работ, выполненных заключенными в мастерских; по ним можно судить о той организационно-

полезной работе, которая налажена в домах заключения нашего Союза. Такие мероприятия дают возможность более бодро смотреть на будущее, хотя короткий срок и не дает нам незыблемой опоры для статистических выводов и бесспорных заключений.

Мы приводим и образцы скульптуры, созданной неискусным резцом заключенного, привыкшего в действительной жизни к проявлению иных навыков.

Русская литература уделяла немного внимания творчеству заключенных; такое отношение к последнему имело, конечно, свои основания, так как до последних лет творчество среди заключенных носило эпизодический характер и реализовалось лишь на тюремных стенах, доступ к которым имел лишь обслуживающий тюремные потребности персонал, не придававший этому творчеству никакого значения.

Наш Союз легализовал тюремный фольклор, благодаря чему продукты последнего стали доступны обозрению и изучению.

Наш материал имеет свои особенности и достоинства, а потому мы и считаем возможным привлечь к нему внимание широкого читателя.

На творческие потребности человека нельзя смотреть как на прихоть, на роскошь, на ненужную забаву,—такой взгляд и неправильный, и нездоровый. Творческий процесс властно требует своего выявления во внешней продукции; творчество властно заявляет свои права, пренебрежение которыми создает стойкую, а затем и непоправимую характеристику личности, терпящую ущерб в своей гармоничности.

В Америке профессиональные навыки фабричных и заводских рабочих останавливались на возможном минимуме путем направления работы на узкую специальность, напр., на изготовление какой-либо мелкой детали к целому. Такая узкая специализация совершенно не требовала никакого творчества со стороны исполнителя; последний вскоре превращался в машину, в автомата, что в свою очередь клало неизгладимый отпечаток на личность рабочего: он не только тупел от такой работы, но последняя атрофировала его творчество, находчивость, приобретение новых навыков и интересов, благодаря чему личность рабочего мельчала; но этим не оканчивалось разрушительное влияние автоматизма в работе на человеческий организм, последний изнашивался довольно быстро и, примерно, в 10—12 лет рабочий переходил в разряд инвалидов.

Заключенный, будучи изолирован от окружающего мира и лишен возможности выявлять здоровое творчество, направляет свою творческую силу в отрицательную сторону, развивая и совершенствуя последнюю и тесно связывая ее с своею личностью. Прежние тюрьмы и про-
изводили такое отрицательное воздействие на заключенного.

В настоящее время в домах заключения нашего Союза творческая работа для заключенных не изгоняется, а, наоборот, поощряется, почему она имеет и научный, и общественный интерес.

Жизнь заключенного нашего Союза последнее время глубоко изменилась; она настолько стала непохожа на жизнь дореволюционного заключенного, что проводить сравнения с прежней жизнью в тюрьме и в современном доме заключения представляется делом не легким.

В прежних тюрьмах лицо, вступившее в конфликт с существовавшими юридическими нормами, вырывалось из действительной жизни настолько прочно, что теряло с нею всякую связь. Редкие свидания с родственниками, часто через решетку, нельзя считать за общение с внешним миром. Во всем остальном арестованный был во власти тюремного режима, изолирующего его от действительной жизни, проявляющейся в бесконечном разнообразии форм и взаимоотношений. Странным кажется в настоящее время то обстоятельство, что на прежние тюрьмы смотрели как на места, могущие оказать благотворное влияние на дальнейшее поведение заключенного по выходе его из тюрьмы.

Как можно рассчитывать на то, что ценность жизни в ее нормальных рамках будет привлекательна для человека, проведенного продолжительный срок в тюремном заключении, в общении с преступными лицами, оказывающими, несомненно, действительное влияние на восприятие, память, психические продукции и личность заключенного, оставляя в них неизгладимые черты порочного молодчества и героизма, подражание которому начинает властно звучать во внутренних потребностях заключенного.

Если заключенный содержится значительное время в общении с людьми, принимающими жизнь не так, как это требуется обществом и государством, и если, в то же время нормальная жизнь искусственно вытесняется из жизни заключенного, то, несомненно, последняя теряет свое обаяние, которое заменяется влечениями к запретному.

Прежний заключенный был лишен газет, говорящих о действительной жизни и о тех интересах, которые в ней преобладают, следовательно, заключенный не только практически, но и теоретически был лишен ценностей той жизни, в которую он должен будет вступить по выходе из тюрьмы, благодаря чему он все больше и больше отходил от нормальной жизни и она все больше и больше теряла власть над его психическими потребностями, тогда как конфликтное восприятие жизни широкой волной вступало в сознание заключенного и оставляло в нем неизгладимые следы, создавая из него человека с прочно привитыми преступными потребностями. Кроме того, в общении с непригодными к нормальной жизни людьми заключенный приобретал среди них тесный антураж, цепко державший его в атмосфере своего миропонимания. Поэтому почти с уверенностью можно сказать, что прежняя тюрьма морально калечила всех лиц, попадавших впервые в стены, предназначенные для исправления.

Самым же главным мотивом, мешавшим бывшему заключенному вступать на путь нормального самообслуживания, являлась социальная изолированность, не оканчивавшаяся с выходом из тюрьмы, так как старорежимные тюрьмы не заботились о судьбе выпускаемых на свободу питомцев; благодаря отсутствию сколько-нибудь юсной платной работы в тюрьме, заключенный оставлял стены последней без копейки денег, а потому с первых же дней свободы вступал на путь запрещенного труда.

Современный дом заключения нашего Союза покоится на иных принципах. В настоящее время лицо, вступившее в конфликт с суще-

ствующим законом, также изолируется, но нынешняя изоляция резко отличается от изоляции дореволюционной, ибо в настоящее время заключенный не отрывается вполне от действительной жизни: он читает газеты, библиотеки мест заключения значительно пополнились разнообразной литературой, в основу исправления положен здоровый и полезный труд, сменяющийся нормальным отдыхом и играми. Мало этого, заключенные сами издают свои журналы и газеты, выявляющие не только нужды заключенных. В них мы находим проявление широких интересов ко всем отраслям жизни, до политики включительно.

Весьма существенное значение имеет организация мастерских в исправительных учреждениях нашего Союза. В настоящее время в некоторых домах заключения мастерские оборудованы столь мощно, что эти учреждения переходят на самоокупаемость. Еще больший интерес представляет то обстоятельство, что заключенный, работая в мастерской, создает себе некоторое материальное обеспечение ко времени выхода, так как часть его заработка откладывается и выдается ему по окончании срока заключения. Если по выходе из места заключения бывший арестованный получает некоторую материальную независимость, то вместе с тем он получает и большую надежду на заработок.

В дальнейшем изложении мы приведем несколько рисунков с предметов, изготовляемых в мастерских домов заключения, по ним можно судить о тех глубоких изменениях, которые произошли в жизни русского заключенного, а его художественное творчество ознакомит общество с разнообразными интересами, присущими жизни, протекающей за крепкими каменными стенами.

С какой бережностью и любовью относятся заключенные к своим художественным произведениям, будет видно из разнообразных рисунков, приводимых нами ниже. Литературная работа глубоко захватывает арестованных, возбуждает в них властный интерес к действительной жизни, открывает их надеждой на то, что они по выходе из дома заключения вновь сделаются равноправными, активными членами общественно-государственной жизни.

В прежнее время заключенные были обречены на неизбежную тоску и скуку, властно державшие их в своих цепких когтях, действовавшие подавляюще на механизм мышления и его продукции. Потребности прежнего заключенного были сосредоточены на одном желании скорейшего освобождения, скорейшего выхода за стены каменного мешка.

Мы, конечно, не отрицаем этого властного желания и у нынешнего заключенного. Как ни скрашивается жизнь заключенного, она все же никогда не будет эквивалентна жизни на свободе; в месте заключения человек не может чувствовать себя как дома; ведь он лишен свободы, и этот фактор оказывает свое властное влияние и на теперешнего заключенного, но у последнего имеется активный момент, способствующий восприятию действительной жизни в здоровом ее понимании. В Уголовном Кодексе РСФСР имеется ст. 56, дающая арестованному надежду на досрочное освобождение из места заключения. Данный сти-

мул, несомненно, является действенным в смысле психического оздоровления заключенного.

В прежние годы, чтобы убить тюремное время, чтобы украсть несколько минут из его медленного бега, чтобы дать какую-нибудь пищу уму, чтобы избавиться от гнетущей скуки и тоски, арестованные прибегали ко всяким средствам и изощрялись в создании способов, при помощи которых можно было бы убить тюремное, медленно текущее время и хоть как-нибудь удовлетворить стремление к проявлению незамысловатого творчества. Все авторы, писавшие на разнообразные темы из тюремной жизни, упоминают о том, что прежнее тюремное население, за неимением средств для фиксирования своих творческих продуктов прибегало к помощи стен, которые и украшались надписями, содержание которых облекалось в прозаическую или стихотворную форму. Поэтому нет в мире такой тюрьмы, стены которой не были бы украшены надписями, состоящими из отборной брани, упроз по адресу заключенных или администрации тюрьмы, более или менее удачных стихов или прозы.

Дома заключения нашего Союза предоставляют право заключенному использовать для своих творческих потребностей бумагу, чернила, карандаши и т. д.

Эти творческие продукты, главным образом, и будут служить в дальнейшем изложении предметом нашего внимания.

Жизнь теперешнего заключенного совершенно не похожа на жизнь прежнего тюремного обитателя. В настоящее время в жизненный обиход места заключения входит физкультура, клубная и библиотечная работа, с заключенными ведутся систематические занятия по ликвидации безграмотности с целью просветительного воздействия на них. Заключенным сообщаются последние политические новости; каждому заключенному предоставлено право иметь свой радио-приемник с тем, чтобы он имел возможность в свободное время расширять свой интерес к действительной жизни.

В дальнейшем предполагается чтение лекций по радио для заключенных всего Союза. Данное мероприятие, несомненно, окажет оздоровляющее влияние на психику заключенных, так как в столицах и больших городах представляется вполне возможным привлекать для этой цели высококвалифицированных работников, которых одновременно может слушать весь Союз.

Нельзя не обратить внимание на весьма важный вопрос, относящийся к организации труда заключенных. Трудно сразу до основания изменить жизнь всего государства, ибо для осуществления этой цели необходимы колоссальные материальные средства, поэтому жизнь во всех ее проявлениях, в том числе и тюремная, улучшается постепенно.

В нашем Союзе давно организовано большое количество рабочих колоний заключенных. Мы достигли бы идеала в этом направлении, если бы такие колонии для заключенных не только материально оправдывали бы свое содержание, но и давали бы некоторые средства для их улучшения и развития. В этом направлении уже многое сделано, и мы

уже имеем такие совхозы-лаборатории, в которых протекает срок заключения в условиях нормального, мирного и созидательного труда.

Такова жизнь в месте заключения современного, лишенного свободы, человека; она, как было сказано выше, резко отличается от уклада жизни прежней тюрьмы.

Читатель Достоевского, Мельшина и других авторов, знакомивших широкие слои населения с тюремной жизнью и особенностью ее психологии, могли твердо убедиться в том, что прежний тюремный быт производил глубокое моральное разложение человеческой личности и обрекал ее на постоянные конфликтные отношения к нормальной жизни.

Но жизнь консервируется в определенных формах и для того, чтобы разрушить последние, необходимы силы, убеждающие людей, влекущие их к вновь намеченным высоким целям и призывающие их к активному выступлению против установившихся форм отжившего быта.

Наш Союз пережил моменты разрушения старого быта в государственном масштабе, но созидательная работа реализуется значительно медленнее, чем работа разрушительная, поэтому на пепелище старых форм с будущим трудом вырастают дворцы труда, украшающие повседневную будничную работу яркими красками, радующими восприятие и делающими труд не только приемлемым, но и необходимым, и радостным.

Мы глубоко верим и в то, что радость честного труда должна быть доступна не только человеку, живущему с полным сознанием своих прав и обязанностей по отношению к обществу и государству, но и для лиц, которые под влиянием тех или иных причин вступили на путь поведения, осуждаемого законом и требующего изоляции.

Если мы достигнем в этой области предполагаемых результатов, то жизнь вступит в новую стадию развития и она может оздороветь настолько, что преступления могут быть сведены к минимуму.

Последняя монография по творчеству заключенных принадлежит Н. Prinzhorn¹⁾, она была издана в Берлине на немецком языке и к нам просочилась в крайне ограниченном количестве, поэтому на данной работе нам хотелось бы несколько остановиться. Внешне книга издана очень хорошо. Автор имел возможность из коллекции в 700 рисунков издать 176, которые весьма хорошо исполнены.

Prinzhorn получил в свое распоряжение рисунки заключенных почти со всего мира. Он вначале делит произведения заключенных по материалу и в первую очередь говорит о рисунках на стенах. Стеною, как материалом для рисунка, охотно пользуются не только заключенные, но и находящиеся на свободе люди. Кому неизвестны надписи на заборах, наружных стенах домов, на внутренних стенах общественных уборных и т. д. Арестованные также пользуются стенами для проявления своего творчества, но последнее сохраняется в крайне ограниченном количестве, так как тюремное начальство не любит непорядков и, обычно, все зарисовки арестованных на стенах закрашивает. Между тем в тюрьмы попадают не только грамотные, но и неграмотные лица,

¹⁾ Hans Prinzhorn: Bildnereider Gefangenen.

последние выражают свои переживания и желания в рисунках. Желание найти развлечение также понуждает арестованных рисовать, при этом автор отмечает, что рисунки нередко бывают столь характерными, что по ним можно судить о личности заключенного и о тех страстях, которые его обуревают. Чаще же всего встречаются надписи, иллюстрируемые рисунками. Принудительное одиночество, будь это в тюремной камере, в классе школы, телефонной будке и т. п., располагает «от скуки» к пассивно-мечтательному настроению, которое выражается свободной сменой мыслей, выливающих в формы.

Было обследовано большое количество надписей и рисунков на стенах венских полицейских тюрем; это удалось потому, что в названных тюрьмах заключенные проводят не более 48 часов, благодаря чему надписи и сохраняются. Исследователь пришел к выводу, что такие надписи выражают, главным образом, эмоции заключенных, сводящиеся к угрозам, ругани и издевательству.

Если читатель припомнит надписи свободных людей на заборах и стенах общественных помещений, то он легко найдет между ними и тюремным творчеством сходство.

Современная обстановка тюремных камер мало способствует тому, чтобы предметы тюремного обихода служили материалом для реализации творчества, но ранее это было более возможно, а потому Ломброзо в своем музее имел до ста глиняных кувшинов с нацарапанными на них надписями и рисунками.

Prinzhorn обратил внимание на производство карт в тюрьмах, для изготовления которых заключенные пользуются всяким клочком бумаги, картона и др. материалов. При создании карт заключенные не удовлетворяются одними надписями, они их и рисуют, пользуясь кровью, соком растений и другими материалами, если нет карандаша и красок. Иногда колода карт так мала, что ее можно спрятать в одной руке. Карты в тюрьмах имеют важное значение, так как они могут служить к убиванию тюремного времени и удовлетворять потребности азарта. Prinzhorn указывает на знаменитые карты от 1606 и 1616 года, которые хранятся в Праге, а также имеется несколько замечательных колод в коллекции Ломброзо.

В виду того, что заключенные капиталистических стран не всегда могут пользоваться бумагой, арестованные прибегают к другому материалу для удовлетворения своих творческих потребностей. Таким материалом чаще всего является хлеб, из которого арестованные лепят различные фигурки.

Prinzhorn говорит о рисунках бродяг (die Bilderschrift der Gauernerzinken) и считает, что эти рисунки в настоящее время вымирают, но в период расцвета в них выражалась наибольшая находчивость для общения друг с другом. В былое время бродяги пользовались часовнями, сараями, заборами и т. д. для того, чтобы наносить на них особые знаки, при помощи которых они давали знать своим товарищам об особенностях данной местности, людях, начальстве и т. д.

По нашему мнению, данные явления нельзя приписывать только бродягам, ибо известно, что к помощи символического языка прибегают

и кочевые народы, например, цыгане, не имеющие своей азбуки, но объясняющиеся при помощи символических знаков.

В настоящее время учеными нашего Союза создана вполне удовлетворительная азбука для обучения грамоте цыган.

Prinzhorn в своей монографии жалуется на то, что ему не представлялось возможным заставить рисовать заключенных, так как последние относятся к таким мероприятиям весьма подозрительно, кроме того, и тюремное начальство неохотно шло ему навстречу.

Prinzhorn говорит, что каракули, которые сплошь и рядом встречаются у душевно-больных и являются моторной реакцией последних, совсем не встречаются у заключенных, потому что заключенным трудно доставать бумагу для такой несовершенной работы.

Рисунки заключенных Prinzhorn делит на три группы:

- 1) рисунки предметов,
- 2) орнамент и
- 3) символика.

По мнению Prinzhorn'a, заключенный лишь тогда прибегает к реалистическому изображению, когда он примиряется с окружающей его обстановкой или когда он открыто протестует против нее, например, убийца выцарапал на глиняном кувшине надпись о том, что через сто дней он повесится и таким образом обретет покой.

В области орнамента, казалось бы, можно найти большое количество рисунков, так как украшать при помощи орнамента свое жилище присуще всякому человеку, но заключенному трудно реализовать это желание, поэтому в области орнамента продукция не так велика. В прежнее время в тюрьме употреблялись глиняные кувшины и на них орнамент наносился при помощи иглы, куска проволоки или другим острым предметом, такие собрания имеются в музее Ломброзо.

Аллегорические рисунки встречаются среди творчества заключенных нередко, они реализуют переживания заключенных, выливая их в определенные художественные формы, схожие со знаками бродяг, наносимыми на досках, заборах и т. д. Иногда убийцы-заключенные аллегорически изображают момент их будущей казни.

Что касается выводов, то к ним Prinzhorn относится с большой осторожностью, считая, что литература, написанная до сих пор о психологии преступника, не дает ничего ясного и определенного о душевной жизни последнего. Он останавливается на характерных особенностях преступника, выявленных Достоевским. С своей стороны он считает, что здоровый, взрослый человек, будучи лишен возможности правильно выявлять себя, становится импульсивным, легко возбудимым, беспокойным; в конце-концов он делается тупым, трудно-реагирующим, пассивно-равнодушным и недоверчивым. Некоторые честолюбивые заключенные становятся жадными, хитрыми, дипломатически наблюдающими, старающимися через гордость или покорность обратить на себя внимание.

Prinzhorn считает, что у заключенных резко выражен эгоцентризм, и творчество их несет на себе этот отпечаток: то они рисуют свои переживания, то эпизоды из их бывшей жизни на родине, то детали

их профессии, то условия борьбы или картины из тюремной жизни. Сексуальный мотив играет существенную роль в творчестве заключенных.

Заклячая свою работу, Prinzhorn говорит: рисунки заключенных, дают нам возможность заглянуть в душевную жизнь последних и знакомят нас с обычаями тюрьмы, это творчество имеет все характерные свойства, присущие примитивному народному творчеству.

В дальнейшем мы переходим к описанию наших рисунков, при этом мы, как было сказано выше, распределяем рисунки по темам, что удобно для описания. Рисунки, стенные газеты, скульптура и утилитарные изделия домов заключения нашего Союза дают богатый материал для изучения творчества заключенных; мы в меру наших скромных сил и приступаем к его изложению.

Глава II.

ЮМОР.

Человек смеется по разным поводам: смеется он от переживаний радости, и этот смех служит показателем того, что все физиологические процессы организма находятся в благоприятном для него состоянии. В это время индивид чувствует себя столь хорошо, что желает продлить это состояние на возможно долгий срок.

В период радости жизнедеятельность организма резко повышается: процессы ассимиляции и диссимиляции протекают значительно энергичнее нормы, поэтому организм оживает: движения становятся более энергичными и обильными, мимика лица оживает и обогащается разнообразием игры лицевых мышц, речь становится громкой, убедительной и красочной, она в изобилии расцветается приемами немногого языка, сводящимися к жестам и выразительным движениям.

Живость и благополучие организма выявляют себя всеми способами во-вне и завершают это приятным, заразительным смехом.

Смеется человек и в моменты скорби горьким, нездоровым смехом, при наличии которого уже не отмечается живости, о которой говорилось выше, наоборот, индивид становится тусклым, матовым. Процессы всего организма принимают участие в переживаниях центральной нервной системы. Если в первом случае человек кажется помолодевшим, если в жилах его быстро течет кровь, создавая приятный румянец на ланитах, то в период «горького смеха» лицо принимает выражение малой активности, оно бледно и специфически выразительно, ибо на нем появляются блики печали, горя, на нем отражается внутреннее неблагополучие. У такого субъекта движения слабы, немногочисленны и маловыразительны; он весь подавлен как внешне, так и внутренне. Смеется человек и злым, и коварным, и хитрым, и заискивающим, и гордым, и добродушным, и другими формами смеха. Все они имеют свои оттенки, улавливаемые опытным глазом и ухом, без ошибки определяющими состояние наблюдаемого субъекта, благодаря чему раскрывается его внутреннее содержание, в котором пребывает в данный момент субъект, находящийся в сфере восприятия.